

Проблемы будущей Россіи

1. Сегодняшній день.

Не много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ писались послѣднія главы, но кажется, что между ними и «сегодняшнимъ днемъ» легли годы. Образы «современной» Россіи уже отошли въ исторію. Многое мучительно перечитывать — не потому, что оно оказалось ложью, но потому, что перестало быть правдой. Едва начали проясняться дороги, ведущія въ туманное будущее, — и вотъ опять «занесло тебя снѣгомъ, Россія». Избави Богъ публицисту пророчествовать, а тѣмъ болѣе — о Россіи.

Въ моей (не напечатанной) схемѣ Россія стоитъ на распутьи. «Революція загниваетъ», писалъ я. «Или она найдеть вожда, который смѣлой рукой ликвидируетъ коммунистическое иго, или Россія идетъ навстрѣчу новымъ катастрофамъ». Могъ ли я предвидѣть, что страна будетъ поставлена передъ катастрофой сознательной волей полу-безумнаго вождя революціи?

То, что происходитъ въ Россіи, едва поддается разумному объясненію. Но лишній разъ, влекомые рокомъ, мы убѣждаемся, какъ узокъ свѣтлый кругъ историческаго сознанія. Безсознательное, бредовое окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, и революція — одинъ изъ люковъ, откуда темныя воды Ахеронта затопляютъ солнечныя нивы земли.

Повидимому, Сталинъ и Троцкій оказались единственными изъ стаи Ленина, которые не пожелали «гнить». Ихъ не прельщало превращеніе въ демократическихъ министровъ или въ національныхъ героевъ революціонной Россіи. Они одни предпочли бы смерть безславію термидора. Троцкій, актеръ революціи, воспитанный на подмосткахъ 1793 года, живетъ ради своего монумента въ социалистической Европѣ. Онъ хочетъ войти въ исторію, какъ вождь второй погибшей коммуны. Сталинъ слишкомъ ограниченъ, чтобы видѣть неизбежность гибели. Секретъ,

разоблаченный Бесѣдовскимъ, объясняетъ все: Сталинъ единственный человѣкъ, который вѣрнѣе въ мировую революцію. Мистика большевицкой партіи, традиціи ленинскаго централизма, страхъ открыть кремлевскимъ переворотомъ шлюзы народной стихіи — заставляютъ разумныхъ и желѣзныхъ людей изъ «старой гвардіи» безпрекословно итти за маниакомъ, самымъ желѣзнымъ изъ всѣхъ. Политическая структура революціи въ этомъ отношеніи сходна со структурой самодержавія: онѣ обѣ допускаютъ возможность безумія власти и возлагаютъ на народъ отвѣтственность за ея безуміе.

Сейчасъ въ Россіи происходитъ не завершеніе октябрьской революціи, а новая революція, которая хочетъ ликвидировать послѣдствія Октября. 1929 - 30 годъ — попытка возстанія противъ крестьянства, освобожденнаго въ 1917-омъ году. Сталинъ понялъ (въ этомъ и только въ этомъ — логика съ нимъ), что крестьянство медленно разлагается, рассасывается, обезсиливаетъ партію; что это единственная сила національной Россіи, передъ которой остановился коммунизмъ. Неважно, какими путями онъ пришелъ къ этой безспорной истинѣ. Завѣщанная ему программа троцкистовъ, сопротивление со стороны деревни индустриальной пятилѣткѣ, растущія трудности выкачивания хлѣба у крестьянъ — шагъ за шагомъ привели его къ новой грандіозной задачѣ. Задача эта совсѣмъ просто формулируется такъ: уничтожить около 100 милліоновъ русскаго крестьянства, замѣнивъ его, или уцѣлѣвшій отъ голодной смерти его остатокъ, земельнымъ пролетаріатомъ государственныхъ «хлѣбныхъ фабрикъ». Никогда еще столь дерзкая мысль не воплощалась въ волю государственнаго дѣятеля. Нис incipit dementia. Но, можетъ быть, никогда еще ни одинъ правитель не наслѣдовалъ такой сверхчеловѣческой власти. Какъ вождь революціи, Сталинъ возглавляетъ дьявольскую энергію фантастическаго и фанатическаго меньшинства, овладѣвшаго силами великаго народа. Какъ правитель Россіи, Сталинъ является преемникомъ царей московскихъ и императоровъ всероссійскихъ, съ ихъ капиталомъ восточной покорности 150 милліоновъ, не разъ испытаннымъ въ былыхъ революціяхъ съ высоты престола.

Новая революція Сталина есть классическая форма русской революціи сверху, имѣющая формальную аналогію съ революціей Петра и матеріальную — съ революціей

Грознаго. Въ отличіе отъ перваго Октября, ни массовое волненіе, ни самая легкая зыбь не выносятъ наверхъ безумнаго порыва диктатора. Все совершается силою новой опричины: нагнанныхъ изъ города чиновниковъ, красныхъ преторіанцевъ ГПУ, да кое-какихъ подонковъ деревенской голытьбы. И становится страшно: удастся ли? Т. е. не «построить социализмъ», а разрушить всѣ живыя силы крестьянства, обратить его въ рабство, безъ хозяйственной воли, безъ быта, безъ церкви, безъ Россіи. Сейчасъ рѣшается судьба Россіи — быть можетъ, на столѣтія. Если народъ не отстоитъ себя въ этой послѣдней борьбѣ, значитъ, онъ перестаетъ быть субъектомъ исторіи. Онъ можетъ стать германскимъ, американскимъ, магометанскимъ — чистая глина, ожидающая горшечника. Жестокія сомнѣнія закрадываются въ сердце. Что сильнѣе въ душѣ народной: вѣковая инерція покорности, обездушенная съ утратой вѣковой вѣры, или новое, свободное самознаніе, выкованное революціей и нынѣ во имя революціи разрушаемое?

Будемъ вѣрять въ Россію. Иначе стоитъ ли жить?

.....

2. Предпосылки.

Какой смыслъ имѣетъ ставить проблемы завтрашняго дня, когда основная проблема сегодняшняго дня не рѣшена? Но въ томъ то и дѣло, что сегодняшний день требуетъ рѣшенія, превышающаго среднія человѣческія силы. Мы въ эмиграціи не имѣемъ и данныхъ для этого рѣшенія. Къ сожалѣнію, наша позиція по отношенію къ центральной проблемѣ — борьбы съ большевизмомъ — остается, въ существенномъ, выжидательной. Лишь въ очень слабой мѣрѣ мы можемъ пока помочь русскому народу въ его горячечныхъ судорогахъ. Сегодня — царство непредвидѣннаго, стихійнаго, ирраціональнаго. Не намъ отсюда организовать хаосъ.

Но завтрашній день поставитъ передъ Россіей ясныя и четкія задачи, уже сейчасъ воочию зримыя, для рѣшенія которыхъ потребуются организованныя усилія цѣлой націи. Не нужно быть гениемъ, чтобы работать по строитель-

ству новой Россіи. Уже сейчасъ мы можемъ, мы должны воспитывать себя и молодое поколѣніе для этого національнаго дѣла.

И еще одно: экскурсы въ будущее, быть можетъ, не бесполезны и для борьбы сегодняшняго дня. Живучесть большевиковъ, конечно, зависитъ отъ того, что Россія не видитъ людей, которые могутъ смѣнить ихъ. Но еще и отъ того, что Россія не видитъ той ясной программы, во имя которой надо свергать большевиковъ. Туманность послѣ-большевицкаго «завтра» парализуетъ энергію «сегодня». И если намъ не дано знать, кто придетъ послѣ большевиковъ, то мы можемъ гадать о томъ, что придетъ. Здѣсь гадать значитъ хотѣть, хотѣть значитъ строить, и это отнимаетъ у гаданія элементъ произвольности и безотвѣтственности. Четко формулировать программу національнаго дѣла, объединить на ней мыслящихъ патриотовъ — это значитъ нанести фантастической твердынѣ III Интернаціонала очень серьезный ударъ.

Разумѣется, элементъ гипотетичности остается въ этихъ построеніяхъ. Онъ вносится, прежде всего, основной неясностью — въ организациі власти. Чисто политическіе моменты программы будутъ подвержены наибольшимъ колебаніямъ. Русская національная программа допускаетъ нѣсколько политическихъ вариантовъ. При всемъ желаніе дать большее, и мы можемъ здѣсь предложить лишь одинъ изъ этихъ мыслимыхъ вариантовъ. И мнѣ хотѣлось бы съ самаго начала предотвратить естественныя недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть по поводу предлагаемыхъ здѣсь схемъ будущаго. Что это — прогнозы или программы? Желаемая мной или только угадываемая Россія будущаго?

На это слѣдуетъ отвѣтить: ни то, ни другое. Можно было бы легко построить болѣе говорящій сердцу, вѣнчательный образъ Россіи, поднять его, какъ хоругвь, чтобы умирать за него, — зная, что прекрасное никогда не осуществится до конца въ этомъ мірѣ. Но я зову не умирать, а строить, для строителей нуженъ планъ, а не видѣніе. Другими словами, я стараюсь дѣлать поправку на матеріаль, на средства, на силы каменщиковъ. И самая идея зданія дана мнѣ не въ вѣчности, а въ сегодняшнемъ днѣ исторіи. Это одинъ изъ мѣняющихся въ исторіи ликовъ Россіи, который можетъ быть осуществленъ завтра. Онъ минималенъ, мѣряя его сверхвременнымъ мѣриломъ

призванія Россіи. И все же онъ максималенъ, какъ шахматистъ, могущій воплотиться въ нашъ историческій день. Вотъ почему это не прогнозъ, ибо въ прогнозѣ неизбежно считаются съ неудачами, съ блужданіями. Мы достаточно искушены опытомъ, чтобы не поддаваться оптимизму. Русская исторія — трагическая вещь. Не было времени, когда бы она катилась по гладкимъ дорогамъ, не сворачивая въ ухабы и трясины. Будетъ ли иначе съ завтрашняго дня? Основная, недоказуемая предпосылка этихъ построений — разумная и честная власть. Можемъ ли мы, пережившіе столько безумныхъ или слѣпыхъ правителей, рассчитывать непременно на удачу? Нельзя быть увѣреннымъ, но позволительно надѣяться. Безумные или корыстные вожди могутъ сильно осложнить работу, заставить насъ колесить, возвращаться назадъ, передѣлывать по нѣскольку разъ историческія заданія Россіи, но имъ не измѣнить ея магистрали. Правда, они могутъ окончательно погубить Россію, каждый по своему, но спасти ее изъ катастрофы большевизма дано для всѣхъ одинаково. Царь изъ дома Романовыхъ, диктаторъ изъ отрезвѣвшихъ большевиковъ или демократическій вождь — должны будутъ вести страну по одному пути, если хотятъ слушать голосъ исторіи. Сбиться съ него, колесить по оврагамъ, увязнуть въ болотѣ — тысяча возможностей, огромный выборъ для фантастовъ и доктринеровъ. Но національная дорога одна.

Чтобы найти ее, нѣтъ надобности читать «по звѣздамъ», по которымъ ориентировались въ сумеркахъ самодержавія звѣзды русской интеллигенціи. Нынѣ земля залита яркимъ солнцемъ, беспощаднымъ солнцемъ правды, обнажающимъ всѣ морщины и извилины почвы. Вернемся на землю, съ сыновней любовью приникнемъ къ ней, будемъ слушать голоса земли. Слушать землю и видѣть землю, изучать ее. Почвовѣдѣніе — самая современная наука въ Россіи.

Отнынѣ русская идея — лишь переводъ на ясный языкъ смертныхъ невнятныхъ шопотовъ Геи, поднимающихся изъ нѣдръ земли. Конецъ гигантомахіи! Развѣнчивается легкодумная Аѳина, рожденная изъ головы Зевса. Мы возвращаемся къ святилищу Деметры, милостивой, хлѣбообильной Элевсинской царицы.

Въ переводѣ на языкъ прозы, это значитъ: мы объявляемъ беспощадную борьбу доктринерамъ и максимали-

стамъ, чьимъ бы именемъ они ни прикрывались. Всякій максималистъ есть убійца. Мы смотримъ не на восторженные глаза, а на руки, залитыя кровью. Сейчасъ развелось не мало людей, соблазненныхъ легкимъ успѣхомъ большевизма, которые не прочь смѣнить въ сѣдлѣ Сталина и хлестать измученную лошадь по глазамъ и шпорить до кишекъ окровавленные бока, пока она не издохнетъ. Эти люди преступники или сумасшедшіе. Пора перестать сумасшедшимъ (распутинцамъ, ленинцамъ) управлять Россіей. Это первая предпосылка, на которой должны объединиться всѣ.

Наше забвеніе прошлаго, утрата русской традиціи такъ велики, что найдется не мало людей, которые именно безуміе считаютъ національной традиціей Россіи, предоставляя презрительно разумъ въ удѣлъ мѣщанскому Западу. Историческая память этихъ людей не восходитъ далѣе ста лѣтъ назадъ. Революція отбрасывала въ прошлое свою тѣнь вплоть до 30-хъ годовъ, и ея призракными зарницами освѣщался сумракъ столѣтія. Намъ не нужно ни звѣздъ, ни зарницъ, ни даже зорь. Уже взошло солнце.

Русскій народъ всегда былъ трезвымъ, мудрымъ народомъ, въ спокойномъ мужествѣ своемъ возлюбившимъ выше всего простоту. Но это значитъ, что онъ призванъ къ классическому творчеству. Не даромъ онъ создалъ Пушкина. Классическій вѣкъ Россіи только начинается.

Откуда придутъ рабочіе завтрашняго дня, не важно. Въ національной Россіи найдется мѣсто для вчерашнихъ монархистовъ, демократовъ, социалистовъ, но каждому придется принести покаяніе. Внутреннее покаяніе, безпощадный судъ надъ собой, разсѣкающей на двое кровотокающую ткань міросозерцанія. Не измѣна требуется, не смѣна вѣхъ, однѣхъ на другія. Мы видимъ сейчасъ не мало такихъ обращенныхъ или оборотней, о которыхъ нельзя не сказать: «И было послѣднее зло горше перваго». Передъ судомъ земли, передъ голосомъ исторіи мы должны провѣрить весь наличный составъ нашихъ идей, нашихъ идеаловъ, судомъ русской революціи судить ихъ. Важнѣе перемены идей перерожденіе духа, при которомъ идеи теряютъ не принадлежащее имъ царственное значеніе. Въ своихъ правахъ возстаиваются опытъ, совѣсть, разумъ и историческая интуиція.

Не много тѣхъ, которые достойны войти въ Землю Обѣтованную — въ поколѣніи, вышедшемъ изъ Египта.

Сколькимъ изъ насъ придется быть ворчливымъ зрителемъ при стройкѣ новой Россіи, путаться подъ ногами рабочихъ, больно ушибаться — и, можетъ быть, оставить обрѣтенную родину для новаго, уже вольнаго изгнанія. Но годы изгнанія, невыносимо долгіе, даны намъ для того, чтобы изгладить память о Египтѣ, чтобы забыть — кому о чеснокѣ, кому о котлахъ съ мясомъ, чтобы стать новыми людьми, Израилемъ.

Наши надежды и расчеты — на тѣхъ, кто остались, на то, что осталось въ Россіи, и на тѣхъ и на то, что родилось по великомъ исходѣ, созрѣло и окрѣпло въ огнѣ революціи, въ неслыханныхъ страданіяхъ утвердило свою правду. Какими же силами, социальными и духовными, располагаетъ будущій архитекторъ?

Социальныя силы — матеріаль стройки:

1. Прежде всего, разумѣется, крестьянство, вѣковѣчный работникъ, державшій Московское царство и Петербургскую имперію, нынѣ — главный врагъ коммунизма, о который долженъ разбиться его девятый валъ.

2. Надъ нимъ, на его упорномъ, но пассивномъ хребтѣ — новая демократія, созданная революціей, предприимчивая, властная, завоевавшая себѣ «командныя высоты» въ арміи, въ управленіи, въ школахъ.

3. Наконецъ, питающаяся изъ этихъ двухъ источниковъ, пока еще слабая, безъ конца истребляемая, но воскресающая и въ будущемъ все растущая, все болѣе опредѣляющая собой народную жизнь «буржуазія», торгово-промышленный классъ.

Духовныя силы — капиталъ строителя:

1. Мощное національное чувство, которымъ сейчасъ живетъ вся Россія минусъ партія — даже не партія, а голловка подпольщиковъ.

2. Хозяйственный голодъ, голодъ къ разумному, расчетливому, т. е. экономическому труду, разбуженный въ деревнѣ и широкихъ слояхъ города, -- отрицательно обостряемый всякимъ нажимомъ государственнаго социализма.

3. Капиталъ знаній и техническихъ навыковъ, все еще значительный, которымъ располагаютъ недорѣзанные калры старой интеллигенціи.

4. Голодь къ знанію, охватившіи массы, особенно юныя поколѣнія.

5. Возрожденіе религіознаго чувства въ духовной элитѣ, принадлежащей ко всѣмъ классамъ общества.

Капиталь не малый, съ которымъ можно отважиться на грандіозное предпріятіе съ вѣрой въ успѣхъ, съ надеждой преодолѣть препятствія.

Препятствій тоже не мало. Ихъ можно усматривать, какъ въ цѣлыхъ общественныхъ группахъ, такъ и въ духовныхъ болѣзняхъ революціонной Россіи.

1. Национальное возрожденіе Россіи найдетъ своихъ враговъ прежде всего въ идейныхъ элементахъ коммунистической партіи и Комсомола, которые не могутъ быть истреблены и не всѣ согласятся продать свою шпагу.

2. Въ нѣкоторыхъ слояхъ пролетаріата, который будетъ жалѣть не о матеріальныхъ (не существующихъ), но о моральныхъ завоеваніяхъ революціи: о привилегіяхъ краснаго дворянства.

3. Въ бандитизмъ, который будетъ рекрутироваться изъ голодныхъ, изъ безпризорныхъ, изъ партизанъ гражданской войны: бѣлыхъ крестьянскихъ бандъ настоящаго времени и красныхъ бандъ эпохи контръ-революціи.

4. Въ тѣхъ народахъ Россіи, которые ставятъ или поставятъ своей цѣлью отдѣленіе отъ нея.

Духовныя сопротивленія, быть можетъ, еще болѣе значительны:

1. Имморализмъ, воспитанный гражданской войной, рабствомъ диктатуры и евангеліемъ коммунизма. Имморализмъ гражданскій и политическій — малодушіе, заботливость и предательство въ остаткахъ старой Россіи, хищничество, жестокость, разгулъ въ новой демократіи, расшатанность семьи и оголенность пола, особенно въ средѣ молодежи, алкоголизмъ рабочихъ и т. д.

2. Безграничное невѣжество новыхъ хозяевъ жизни.

3. Отчужденность ядами атеистической и марксистской «культуры» всѣхъ новыхъ слоевъ и поколѣній, прикасающихся къ культурѣ вообще.

Препятствія велики, но не непреодолимы. Опираясь на творческія силы новой Россіи, съ помощью Божіей, можно принимать за работу.

3. Хозяйство.

Не политическія проблемы будутъ волновать освобожденную Россію. Политическая горячка революціи и новое рабство, вышедшее изъ ея чѣдръ, надолго убили и въ массахъ и въ интеллигенціи вкусъ къ чистой политикѣ. Россія приметъ всякую власть, которая придетъ на смѣну большевиковъ, не справляясь о ея правovýchъ титулахъ. Единственное, чего она ждетъ отъ правителей, — это выполнение очередного національнаго дѣла. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, содержаніе властвованія доминируетъ надъ формой власти.

Передъ всякой русской властью во всей остротѣ встанутъ двѣ проблемы: хозяйственная и національная. Подъ знакомъ ихъ Россія будетъ жить десятилѣтія. И если вторая, несомнѣнно, сразу же приобретаетъ грозный характеръ, логически первая ей предшествуетъ. Большевицкая диктатура — прежде всего диктатура социальная, т. е. экономическая. Вся невыносимая тяжесть русской жизни упирается въ экономику ленинизма. Первое — можетъ быть, единственное, — о чемъ томится вся Россія, — это экономическое освобожденіе.

Какъ чистое отрицаніе, какъ раздѣлка государственнаго социализма, какъ восстановленіе собственности, свободы труда и капитала, экономическая задача необычайно проста. Она рѣшается въ декларативномъ порядкѣ. Сама жизнь, сама хозяйственная стихія, бурно освобожденная отъ оковъ, залѣчиваетъ раны коммунизма, быстро повышая уровень благосостоянія. Краткій опытъ съ Нэпомъ въ 1923 году блестяще показалъ это. Вотъ почему, сколько бы ошибокъ ни было совершено въ первый періодъ восстановленія русскаго народнаго хозяйства, какія бы оргіи хищеній и растратъ ни происходили, ничто не задержитъ экономическаго возрожденія Россіи. Однако, лучше заранее предвидѣть эти ошибки и избѣжать ихъ, особенно если онѣ могутъ имѣть опасныя — національныя и социальныя — послѣдствія.

Въ сельскомъ хозяйствѣ есть программныя предпосылки, раздѣляемыя всѣми. Это невозможность реставраціи помѣщичьей собственности и необходимость прочнаго закрѣпленія земли за крестьянствомъ. Будущая власть обсудитъ исключенія изъ перваго принципа. Здѣсь встанутъ

вопросы объ усадьбахъ и усадебныхъ земляхъ, о мелкихъ владѣнiяхъ, — наконецъ, о совхозахъ, подъ маской которыхъ паразитируютъ остатки былыхъ экономiй. Нѣтъ никакихъ экономическихъ препятствiй къ частичному возвращенiю бывшихъ владѣльцевъ въ этихъ, строго ограниченныхъ, случаяхъ. Огромное и все перевѣшивающее препятствiе — въ социальномъ самосознанiи крестьянства, которое боится даже тѣни помѣщика. Ни одна разумная власть теперъ не рискнула бы подорвать свою популярность этой скромной мѣрой социальнаго обезпеченiя бывшаго владѣльческаго класса. Однако время смягчаетъ старыя раны. Новыя жгутъ больше. Вопросъ о томъ, заставить ли, и черезъ сколько времени, новое рабство колхозовъ забыть о старомъ крѣпостничествѣ.

Серьезнѣе затрудненiе, поставленное самимъ колхознымъ движенiемъ. Въ районахъ, захваченныхъ имъ, — а гдѣ гарантiя, что имъ не будетъ захвачена вся Россiя? — смстены всѣ межи, поставленъ крестъ надъ чернымъ передѣломъ 1917 года. Кому возвращать десоциализированныя земли колхозовъ? Сколько хозяевъ уже разстрѣляно, сколько семействъ вымереть съ голода! Предстоитъ новый передѣлъ — на основѣ наличныхъ хозяйственныхъ силъ и потребностей. Быть можетъ, новый передѣлъ не вездѣ пройдетъ гладко. Но думается, что государству лучше въ него не вмѣшиваться. Лучше санкционировать торопливую, не всегда справедливую крестьянскую дѣлячку, чѣмъ спускаться во львиный ровъ растроженной, обозленной деревни. Урокъ 1917 года всѣмъ памятенъ.

Вопросъ о формахъ крестьянскаго владѣнiя распадается на два вопроса: по отношенiю къ государству и по отношенiю къ старой общинѣ. Реальное значенiе имѣеть послѣднiй. Обь общинѣ будетъ еще много споровъ въ новой Россiи. Но было бы опасно, если бы къ рѣшенiю этого стараго вопроса мы подходили съ нашей современной реакцiей на коммунизмъ. И здѣсь лучшая политика — поменьше политики. Чѣмъ больше государство будетъ считаться съ пестротой мѣстныхъ условiй, съ измѣчивостью крестьянскихъ настроенiй, тѣмъ лучше. Общинное и подворное хозяйство могутъ и должны сосуществовать другъ съ другомъ. Жизнь произведетъ свой отборъ. Вѣроятно, опытъ насильственнаго коммунизма необычайно подниметъ идеаль личнаго, собственническаго хозяйства. Но было бы опасно — хотя бы въ формахъ П. А. Столыпина.

на — форсировать этот процесс. Столь же, разумеется, опасно, ради химеры уравнительного обезпечения, искусственно покровительствовать деревенскому коллективизму.

Вопрос о национализации земли есть, в сущности, вопрос о правовом титуле государственного вмешательства. Если не на другой день после революции, то в будущем государственное вмешательство в земельные отношения сдѣлается неизбежнымъ. Быть можетъ, придется ограничивать максимумъ землевладѣнія, во всякомъ случаѣ — организовывать внутреннюю колонизацию, переселенія. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ принципъ верховной собственности государства, в правовой психологии народа, облегчаетъ регулированіе земельныхъ отношений. Но, конечно, современное мощное государство не нуждается в титуле собственности, чтобы обезпечить себѣ свободу аграрнаго законодательства. Въ конечномъ счетѣ, вопросъ о сохраненіи национализации земли рѣшится в зависимости отъ силы психологической, собственнической реакціи на коммунизмъ. Свобода мобилизации земли должна быть обезпечена во всякомъ случаѣ, в любыхъ юридическихъ формахъ.

Все прошлое столѣтіе русская интеллигенція, какъ и крестьянство, были заняты проблемой распредѣленія. Отнынѣ на первый планъ выдвигается производство. Призракъ помѣщичьяго земельного фонда перестаетъ отвлекать хозяйственное воображеніе отъ реальныхъ источниковъ народнаго богатства. Русская аграрная проблема становится проблемой агрономической. Большевики своими судорожными, часто карикатурными жестами намѣчаютъ будущее русскаго хозяйства. Интенсификація земледѣлія, съ одной стороны, съ другой — на широкихъ просторахъ степной полосы — продвигеніе машинъ, грандіозныя оросительныя предпріятія, государственная селекція, опыты новыхъ культуръ — словомъ, полная рационализация сельскаго хозяйства. Приходится смиренно сознаться, что Микла Селяниновичъ никогда не умѣлъ хозяйничать, и русское земледѣліе было непроизводительной растратой человѣческой рабочей силы. Революція уничтожила психологическія препятствія къ рациональному хозяйству (традиціонализмъ быта, этика равенства, социальная зависть) и освободила скованныя хозяйственные силы народа.

Технической переворотъ в земледѣліи, вѣроятно, «освободитъ» также большое число занятыхъ на землѣ рукъ.

Аграрное перенаселение и сейчас становится весьма грозной проблемой России. Ея решение дается лишь в общей системѣ народного хозяйства, т. е. в развитіи его индустриального сектора.

Вопросы, связанные съ индустріей, являются гораздо болѣе сложными, сравнительно съ аграрными. Национализация фабрикъ означаетъ совсѣмъ не то, что национализация земли. Это дѣйствительное государственное хозяйство, не имѣющее въ себѣ ничего утопическаго и связанное съ весьма старыми традиціями русскаго меркантилизма. Бѣда лишь въ томъ, что главная масса этой государственной продукціи бездоходна и питается паразитически за счетъ крестьянскаго и частнаго труда. Необходимость ея денационализации принадлежитъ къ общепризнаннымъ положеніямъ, даже въ социалистическомъ лагерѣ. Но, во-первыхъ, нельзя утверждать, чтобы рѣшительно все государственное хозяйство было бездоходно, или чтобы бездоходное нынѣ, подъ надзоромъ ВСНХ, оно не могло давать дохода при иной, болѣе хозяйственной системѣ. Это голословное утверждение опровергается всѣмъ нашимъ прошлымъ. Если дорожить экономической мощью русскаго государства, его вліяніемъ на общую хозяйственную жизнь страны, то нельзя, увлекаясь духомъ анти-коммунистической реакціи, раздѣлывать все сдѣланное, разбазарить, раздарить или продать съ торговъ все государственное достояніе Россіи. Здѣсь національный интересъ ограничиваетъ чисто экономическую логику. Тщательное изученіе работы каждаго предприятия, каждой отрасли должно опредѣлить ихъ судьбу. Какъ общій принципъ, государство отдаетъ лишь то, съ чѣмъ оно само не въ силахъ справиться. Конечно, это будетъ львиная доля захваченнаго, но отсюда далеко еще до принципа общей денационализации. Именно какъ принципъ, ея не допустить русское народное сознаніе. Широкія массы въ Россіи, несомнѣнно, рассматриваютъ национализацию промышленности, какъ положительное завоеваніе революціи. Балансъ государственнаго хозяйства имъ неизвѣстенъ, но государство понятнѣе, дороже капитала или частнаго предпринимательства.

Во-вторыхъ, денационализация предприятий ни въ коемъ случаѣ не означаетъ ихъ реституціи, какъ акта возстановленія справедливости. Не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи «украденнаго». Государство не воруетъ, и конфи-

скаціи революціоннаго правительства въ такой же мѣрѣ легальны, какъ, скажемъ, захватъ удѣльныхъ и боярскихъ вотчинъ московскимъ великимъ княземъ. Реституція одной категоріи собственности (промышленной), при невозможности реституціи собственности земельной, денежной или движимой, ощущалась бы, какъ новая несправедливость. Вся Россія потеряла такъ много, ея жертвы — прежде всего кровью — такъ несоизмѣримо съ матеріальными убытками, что предъявленіе счетовъ націи было бы актомъ національно позорнымъ.

Но, конечно, денационализація не можетъ вылиться въ продажу съ публичнаго торга. Промышленное или торговое предпріятіе есть личное, творческое дѣло. Сплошь и рядомъ оно не способно пережить своего творца. Во всякомъ случаѣ, оно требуетъ глубокаго знанія, личной связи, иногда жертвенной, организатора съ созданнымъ имъ дѣломъ. Столько путей сбыта, сколько кредитныхъ возможностей держится исключительно на личномъ вліяніи. Россія помнитъ и гордится родами многихъ талантливѣйшихъ организаторовъ, безъ которыхъ едва ли удастся возстановить разрушенное.

Бѣда лишь въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, ихъ представители лишены капиталовъ и своими силами не смогутъ поднять бездоходнаго дѣла. Приливъ капиталовъ возможенъ лишь изъ-за границы. Государству предстоитъ найти сложные пути, чтобы осуществить сотрудничество русской инициативы и организаціи съ международнымъ капиталомъ. Въ охранительной національной политики, русская промышленность и торговля будутъ захвачены иностранцами. Россіи грозитъ участь колониальной страны. Многие считаютъ это неизбѣжнымъ. Мы этого не думаемъ. Нерастроченная государственная мощь огромной страны можетъ лечь внушительно на чашку вѣсовъ, перевѣсивъ и бѣдность и техническую отсталость. Тяга иностраннаго капитала въ Россію велика; даже большевикамъ удастся эксплуатировать неосторожныхъ концессионеровъ. Национальная Россія можетъ обезпечить западнымъ капиталистамъ солидную прибыль, и въ то же время сохранить за собой руководство народнымъ хозяйствомъ. Въ формахъ ли смѣшанныхъ русско-иностранныхъ обществъ подъ государственнымъ контролемъ, или иначе — это дѣло специалистовъ. Была бы лишь воля отстоять національное достояніе. Не съ чисто хозяйственной, но съ на-

ціональной точки зрѣнія, либеральная экономическая политика была бы въ Россіи опасна. Даже переходъ отъ государственной монополіи внѣшней торговли требуетъ постепенности. Государство должно сохранить въ своихъ рукахъ значительныя возможности хозяйственнаго регулированія. Это «завоеваніе революціи» переживетъ большевиковъ — отнюдь не по доктринерски-соціалистическимъ мотивамъ. Оно обуславливается современной слабостью, чтобы не сказать больше, русскаго промышленнаго класса. Его малосиліе въ прошломъ объясняетъ протекціонистскую политику имперіи. Его разгромъ въ революціи дѣлаетъ разумный протекціонизмъ неизбѣжнымъ.

Есть и другая сфера индустріальныхъ отношеній, въ которой государственное вмѣшательство необходимо. Это область отношеній между трудомъ и капиталомъ, весьма острыхъ и чувствительныхъ въ послѣ-революціонную эпоху. Несомнѣнно, со стороны освобожденнаго капитала, какъ и крестьянства и всего общества въ цѣломъ, будетъ оказываться огромное давленіе на рабочій классъ: слишкомъ естественно желаніе раздавить, унижить вчерашняго «диктатора». Съ другой стороны, диктаторъ этотъ не скоро позабудетъ хмель своего призрачнаго царствованія. Не въ матеріальныхъ утратахъ дѣло; самая грубая капиталистическая эксплуатація, конечно, обеспечить рабочему высшій уровень жизни, нежели коммунистическая. Особенно при благоприятной индустріальной конъюнктурѣ, которая открывается въ эпоху хозяйственнаго возстановленія. Но обостренное, избалованное классовое самосознаніе будетъ чрезвычайно чутко ко всякому моральному и политическому униженію. Вѣроятно, рабочій встрѣтитъ безъ особаго энтузіазма паденіе коммунистической власти. Какъ ни тяжела сейчасъ его жизнь, онъ опасается худшаго отъ контръ-революціи. Вотъ почему государство должно облегчить ему трудность переходнаго времени. Отмѣнивъ пролетарское дворянство, государство не должно допустить новаго крѣпостничества на фабрикѣ. Хорошо, если бы оказалось возможнымъ сохранить большевистскій Кодексъ законовъ о трудѣ. Освобожденная Россія должна показать своему мятежному сыну, что для нея нѣтъ пасынковъ. Какъ многое для русскаго будущаго зависитъ отъ этихъ первыхъ лѣтъ! Удастся ли направить рабочее движеніе, законную профессиональную и политическую акцію рабочаго класса по національному руслу, — или рус-

скій рабочій черезъ одно поколѣніе снова вернется въ лоно III (или IV) Интернаціонала? Англійскій или французскій путь откроется для него, зависить въ значительной мѣрѣ отъ нашего поколѣнія. Сейчасъ есть шансъ, и шансъ не малый: свѣжая память коммунистическаго рая. Современное поколѣніе рабочихъ ни за что не пожелаетъ вернуться въ него. Ну, а слѣдующее? Историческая память такъ коротка. Скоро революція окрасится въ легендарные, героическіе цвѣта великихъ воспоминаній. Тяжесть жизни, невыносимая атмосфера злобы, тоски и предательства уйдетъ въ безвозвратное. Останется яркій лозунгъ, красный флагъ, серпъ и молотъ. Палачамъ 1793 года Франція черезъ столѣтіе воздвигаетъ памятники. Она начала героизировать ихъ уже черезъ 40 лѣтъ.

Нельзя забывать, что изолированное существованіе націи уже невозможно. Сейчасъ красная Москва оказываетъ огромное воздѣйствіе на сознание европейскаго пролетаріата. Въ будущемъ это соотношеніе измѣнится въ обратную сторону. Несомнѣнно, что послѣвоенная Европа все болѣе зависить въ своей политической жизни отъ рабочихъ партій и ихъ вождей. Соціальный вопросъ не то, что поставленъ, а уже практически рѣшается. Быть можетъ, будущій историкъ назоветъ наше время эпохой социализаціи. У Россіи свои пути, но два столѣтія тѣснѣйшей общей жизни съ Западомъ не могутъ окончиться полнымъ духовнымъ разрывомъ.

Будемъ ковать желѣзо, пока горячо. Роль государства въ воспитаніи рабочаго класса весьма ограничена. Главное выпадаетъ на долю интеллигенціи. Это мы должны пріобщить красныхъ варваровъ къ русской національной культурѣ, показать имъ, что они не безродные, что они вступаютъ въ наслѣдство великихъ отцовъ. Что Россія — имъ, и они — Россіи. Но, разумѣется, эта проповѣдь будетъ дѣйствена лишь въ томъ случаѣ, если одновременно удастся удовлетворить матеріальныя потребности, обезпечить необходимый досугъ для духовной работы. Если рабочій не будетъ чувствовать себя паріемъ въ новой Россіи.

Какъ ни важенъ въ Россіи рабочій вопросъ, нужно помнить, что есть вопросъ еще болѣе важный — не о рабочемъ, а о предпринимателѣ: о возсозданіи и развитіи класса предпринимателей, безъ которыхъ немислимо экономическое — думаю и культурное — возрожденіе Россіи.

И здѣсь, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, проблема производства доминируетъ надъ распредѣленіемъ. Россія поставлена исторіей передъ необходимостью предѣльнаго напряженія своихъ производительныхъ силъ. Наше время подобно петровскому. Большевизмъ безконечно углубилъ экономическій ровъ между Россіей и Западомъ, образовавшійся въ XIX вѣкѣ. Засыпать эту пропасть необходимо во что бы то ни стало. Иначе Россія должна отказаться отъ великодержавства — уйти въ Азію, примириться съ положеніемъ колониальной страны.

Чуткость большевиковъ (впрочемъ, связанная съ ихъ доктриной) сказалась въ обостренномъ вниманіи къ проблемамъ техники и индустріи. Разрушители русской промышленности, они мечтаютъ продолжать дѣло Витте, окarikатуривъ его до сталинской пятилѣтки. Возвращаясь къ реальной политикѣ, будемъ говорить лучше о «пятидесятилѣткѣ». Въ такихъ границахъ времени индустриализація Россіи перестаетъ быть химерой. Разумѣется, мы не помышляемъ о превращеніи русскаго мужика въ фабричнаго рабочаго, Россіи — въ Англію. Естественныя условія и богатство страны, все наше прошлое — предопредѣляютъ аграрный типъ Россіи. Но Россія можетъ и должна перерабатывать свое сырье. Россія можетъ добиться экономической независимости отъ Запада. Россія должна обезпечить снабженіе своей арміи на случай войны. По природѣ, по географическому размаху Россіи, она призвана стать независимымъ хозяйственнымъ міромъ. Экономическая автарнія, которая является вредной утопией для мелкихъ государствъ, для Россіи вполне достижима. Америка — хозяйственный организмъ наиболѣе близкій Россіи, несмотря на полярную разницу хозяйственной психологіи.

Но хозяйственная психологія не есть разъ навсегда данная величина. Въ какихъ-то трудно опредѣлимыхъ границахъ національнаго типа, она допускаетъ широкую амплитуду колебаній. Германія начала XX вѣка кажется, по сравненію съ началомъ XIX, совершенно иной страной.

Экономическое несчастье Россіи — въ томъ, что она не знала развитого, организованнаго городского ремесла, сколько-нибудь вліятельнаго въ народной жизни. Национальное русское ремесло — кустарное, подсобное при крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ новомъ русскомъ городѣ XVIII-XIX вѣка, какъ въ Польшѣ, нѣмецъ и еврей — наиболѣе

замѣтные представители ремесленного труда. Вотъ почему молодой русской капитализмъ не можетъ воспользоваться вѣковыми навыками технической школы, профессиональной этики, корпоративнаго самосознанія. Эксплуататорскій и спекулятивный характеръ — болѣзнь его молодости. Однако, не слѣдуетъ впадать въ панику по этому поводу. Русский капиталъ имѣетъ глубокіе, если не ремесленные, то торговые корни. На торговлѣ строилась жизнь вѣчевыхъ республикъ, — новгородскія земли половина Руси. Великорусскій типъ, въ наибольшей чистотѣ сохранившійся въ верхнемъ и среднемъ Поволжьѣ (ярославецъ, костромичъ) — типъ не столько пахаря, сколько бойкаго промышленника и торговца. Не чуждый, а почвенный, глубоко національный характеръ носитъ поэтому промышленный подъемъ Поволжья, московскаго района, Сибири послѣднихъ десятилѣтій. И большевистская деревня все время выдѣляетъ изъ себя торговую и предпринимательскую аристократію.

Дворянское презрѣніе къ торговлѣ, интеллигентское гнушаніе ею, несомнѣнно, являлись сильными психологическимъ тормазомъ, отвлекавшимъ отъ производительнаго труда самыхъ даровитыхъ сыновъ крестьянства. Этотъ тормазъ святъ. Болѣе того, марксизмъ въ Россіи развилъ особый паѳосъ техники, свойственный крупно-капиталистическому міру. Ленинизмъ практически воспитываетъ въ Россіи работниковъ капиталистическаго накопленія. Огромный интересъ къ хозяйственнымъ и техническимъ проблемамъ, которыми живетъ сейчасъ русская молодежь — драгоцѣнный залогъ хозяйственнаго возрожденія Россіи. Изъ соединенія техническаго романтизма новой интеллигенціи со стихійной экономической энергіей деревни рождается токъ высокаго напряженія, та атмосфера, въ которой сложится типъ новаго національнаго предпринимателя.

Рожденіе новаго класса, а главное, его моральное и духовное воспитаніе требуютъ опредѣленныхъ творческихъ усилій національной мысли. Нельзя предоставить стихіи выработку новаго господина русской жизни, успокоившись на томъ, что процессъ «первоначальнаго накопленія» всегда жестокое и грязное дѣло. Если русскому капитализму не хватало до сихъ поръ моральной дисциплины, то одной изъ причинъ этого являлось отсутствіе моральнаго «зеркала», кодекса чести, выработаннаго, напр., за-

паднымъ средневѣковымъ купцомъ. Русская интеллигенція отказывалась понять разницу между торговлей и спекуляціей, между эксплуатаціей и предпринимательствомъ. Что удивительнаго, если сами представители торговли и промышленности легко теряли сознание этой разницы? За дворянскія столѣтія Имперіи, при упадкѣ сословнаго сознанія купечества, и народъ отвыкъ видѣть въ немъ передовую силу земли, какой оно выступало нѣкогда на земскихъ соборахъ. И народъ приучился видѣть въ хозяйственномъ организаторѣ кулака, толстосума, міроѣда. Отсюда популярность объявленнаго большевиками похода на «буржуя». Отсюда трудность усвоенія буржуазной экономической азбуки даже въ жестокой школѣ коммунизма. Народъ, въ общемъ, готовъ признать элементарный, мелкій капиталъ, еще не оторвавшійся отъ трудовой основы, но пониманіе функций крупнаго капитала ему еще не доступно. Здѣсь необходима большая работа экономическаго просвѣщенія. И не только экономическаго. Пора, наконецъ, исправить историческую несправедливость и подвергнуть переоцѣнкѣ моральное значеніе хозяйства. Замѣчательно, что почвенная русская литература любила останавливаться на купеческомъ бытѣ — именно, какъ бытѣ народномъ: Лѣсковъ, Мельниковъ, Маминъ-Сибирякъ. И большая, дворянская литература, томясь по положительномъ героѣ, искала его въ надуманныхъ Штольцахъ и Соломиныхъ. Литературная надуманность ихъ ни чуть не говоритъ противъ національности этого духовнаго склада. Конечно, новая Россія возродитъ его не въ патриархальномъ кафтанѣ 17-го вѣка, а въ костюмѣ американскаго покроя. Духовный типъ, сложившійся на кальвинистическихъ дрожжахъ, пересадить на православную почву — довольно сложная задача. Но она разрѣшима, въ порядкѣ не стилизаціи, а творческаго усилія. Можно прибавить, что на русской почвѣ этизація капиталистическаго предпринимательства естественнѣе и легче, чѣмъ на почвѣ католической, романской Европы.

Возражаютъ: «Съ вашей реставраціей капитализма вы опоздали. На Западѣ онъ уже духовно обезкровленъ. Западъ живетъ уже подъ знакомъ социализма». Согласимся для Запада. Но развѣ это не общій, печальный законъ новѣйшей русской жизни, что ей приходится дважды проходить основныя фазы европейской исторіи: первый разъ отраженно, синхронистически, второй — внутренно и оп-

ганически — столѣтіемъ позже? Революція затянулась въ Россіи отъ Радищева до Ленина. Романтизмъ, едва отразившійся на Жуковскомъ, полнѣе всего звучитъ въ А. Бѣломъ и Блокѣ. Даже національное возрожденіе, слишкомъ слабо намѣченное послѣ 1812 года (считая и Погодина и славянофиловъ), по настоящему расцвѣтаетъ лишь къ 20 вѣку. Если нашему поколѣнію выпало дѣло Дантоновъ и братьевъ Гриммъ одновременно, то почему бы не дать и новаго изданія Адама Смита?

Разумѣтся, съ поправками на социализмъ и вѣковой опытъ Европы. Разумѣтся, не въ столь побѣдномъ и анти-христіанскомъ стилѣ, какъ въ классической Англій временъ Диккенса. Будемъ стараться найти здѣсь свое русское слово. Вѣдь, и національная идея утратила на Западѣ большую долю своего творческаго смысла. И парламентаризмъ порядкомъ поизносился. Русское творчество — въ томъ, чтобы брать не послѣднее слово уже дряхлѣющей идеи, а ея глубокое историческое содержаніе: найти для нея формы, соответствующія духу времени и духу націи.

4. Національная проблема.

Узелъ хозяйственныхъ вопросовъ развязывается въ Россіи самою жизнью. Онъ будетъ разрѣшенъ даже при самомъ пассивномъ отношеніи общества и власти. Плохо разрѣшенъ, но разрѣшенъ. Ибо главное условіе его рѣшенія — свобода. Не то съ проблемой національностей.

При насильственномъ сверженіи большевицкой диктатуры Россію, несомнѣнно, ждетъ взрывъ національныхъ возстаній. Рядъ народностей потребуютъ отдѣленія отъ Россіи, и свой счетъ коммунистамъ превратятъ въ счетъ русскому народу. Первая же русская національная власть должна будетъ начать съ собиранія Россіи. При медленномъ изживаніи диктатуры ростъ или оформленіе сепаратистскихъ стремленій будетъ сопровождать каждый поворотъ развивающагося пресса. Слишкомъ много накопилось подъ этимъ прессомъ задушенныхъ національныхъ силъ. Освобожденіе ихъ является угрозой самому бытію Россіи.

Русскіе патриоты имѣютъ основаніе съ тревогой смотрѣть на будущее. Быть можетъ, революція еще не дала

намъ испить до дна чаши національнаго униженія. На этотъ разъ вопросъ ставится о томъ, будетъ ли существовать Россія, какъ имперія, какъ государственный союзъ народовъ, или она вернется къ исходному племенному единству въ старо-московскихъ границахъ Великороссіи.

Многіе не видятъ опасности, не вѣрятъ въ нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный — мистически значительный — забвеніе имени Россіи. Всѣ знаютъ, что прикрывающія ее четыре буквы СССР не содержатъ и намека на ея имя, что эта государственная формація мыслима въ любой части свѣта: въ Восточной Азіи, въ Южной Америкѣ. Въ Зарубежьи, которое призвано хранить память о Россіи, возникаютъ теченія, группы, которыя стираютъ ея имя: не Россія, а «Союзъ народовъ Восточной Европы»; не Россія, а «Евразія». Одни интернационалисты, которымъ ничего не говорятъ русскія національныя традиціи; другіе вчерашніе патриоты, которые отрекаются отъ самаго существеннаго завѣта этой традиціи — отъ противостоянія Исламу, отъ противленія Чингизь-хану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своихъ грезъ. О чемъ говорить эти факты? О томъ, что Россія становится географическимъ и этнографическимъ про странствомъ, безсодержательнымъ, какъ бы пустымъ, которое можетъ быть заполнено любой государственной формой. Въ обоихъ случаяхъ Россія мыслится національной пустыней, многообъщающей областью для основанія государственныхъ утопій.

Можно отмахнуться отъ этихъ симптомовъ, усматривая въ нихъ лишь новыя болѣзни интеллигентской мысли, — къ тому же не проникшія въ Россію. Но никто не станетъ отрицать угрожающаго значенія сепаратизмовъ, раздирающихъ тѣло Россіи. За одиннадцать лѣтъ революціи зародились, развились, окрѣпли десятки національныхъ сознаний въ ея разслабѣвшемъ тѣлѣ. Иныя изъ нихъ приобрѣли уже грозную силу. Каждый маленькій народецъ, вчера полудикій, выдѣляетъ слой полунинтеллигентціи, которая уже гонитъ отъ себя своихъ русскихъ учителей. Подъ покровомъ интернаціональнаго коммунизма, въ рядахъ самой коммунистической партіи складываются кадры націоналистовъ, стремящихся разнести въ куски историческое тѣло Россіи. Казанскимъ татарамъ, конечно, уйти некуда. Они могутъ лишь мечтать о Казани, какъ столицѣ Евразіи (хотя и здѣсь уже появились адепты пантураниз-

ма). Но Украина, Грузія (въ лицѣ ихъ интеллигенціи) рвутся къ независимости. Азербейджанъ и Казакстанъ тяготѣютъ къ азіатскимъ центрамъ Ислама.

Съ дальняго востока наступаетъ Японія, вскорѣ начнетъ наступать Китай. И тутъ мы съ изумленіемъ узнаемъ, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имѣютъ зубъ противъ Россіи, тоже мечтаютъ о Сибирской Республикѣ — легкой добычѣ Японіи. Революція, укрьпивъ національное самосознаніе всѣхъ народовъ, объявила контръ-революционными лишь національныя чувства господствовавшей вчера народности. Многие съ удивленіемъ узнаютъ сейчасъ, что великороссовъ въ СССР числится всего 54%. И это слабое большинство сейчасъ же становится меньшинствомъ, когда мы мысленно прилагаемъ къ Россіи оторвавшіяся отъ нея западныя области. Мы какъ-то проморгали тотъ фактъ, что величайшая имперія Европы и Азіи строилась національнымъ меньшинствомъ, которое свою культуру и свою государственную волю излагало на цѣлый разноплеменный материкъ. Мы говоримъ со справедливою гордостью, что эта гегемонія Россіи почти для всѣхъ (впрочемъ, не западныхъ) ея народовъ была счастливой судьбой, что она дала имъ возможность приобщиться къ всечеловѣческой культурѣ, какой являлась культура русская. Но подроставшія дѣти, усыновленные нами, не хотятъ знать вскормившей ихъ школы, и тянутся кто куда — къ западу и къ востоку, къ Польшѣ, Турціи или къ интернаціональному геометрическому мѣсту — т. е. къ духовному небытію.

Поразительно: среди столькихъ шумныхъ, крикливыхъ голосовъ одинъ великороссъ не подаетъ признаковъ жизни. Онъ жалуется на все: на голодъ, безправіе, тьму, только одного не вѣдаетъ, къ одному глухъ: къ опасности, угрожающей его національному бытію.

Вдумываясь въ причину этого страннаго омертвѣнія, мы начинаемъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, насколько глубоко корень болѣзни. Въ ней одинаково повинны три главнѣйшія силы, составлявшія русское общество въ эпоху имперіи: такъ называемый народъ, такъ называемая интеллигенція и власть. Для интеллигенціи русской, т. е. для господствовавшего западнаго крыла, національная идея была отвратительна своей исторической связью съ самодержавной властью. Все національное отзывалось реакціей, вызывало ассоціаціи насилія или официальной

жи. Для цѣлыхъ поколѣній «патріотъ» было бранное слово. Вопросы общественной справедливости заглушали смыслъ національной жизни. Национальная мысль стала монополіей правыхъ партій, поддерживаемыхъ правительствомъ. Но что сдѣлали съ ней наслѣдники славянофиловъ? Русская національная идея, вдохновлявшая нѣкогда Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Достоевскаго, въ послѣднія десятилѣтія необычайно огрубѣла. Элигоны славянофильства совершенно забыли о положительномъ, творческомъ ея содержаніи. Они были загипнотизированы голой силой, за которой упустили нравственную идею. Национализмъ русскій выражался, главнымъ образомъ, въ безцѣльной травлѣ малыхъ народностей, въ ущемленіи ихъ законныхъ духовныхъ потребностей, создавая Россіи все новыхъ и новыхъ враговъ. И, наконецъ, народъ — народъ, который столько вѣковъ съ героическимъ терпѣніемъ держалъ на своей спинѣ тяжесть имперіи, вдругъ отказался защищать ее. Если нужно назвать одинъ фактъ, — одинъ, но о с н о в н о й, изъ многихъ слагаемыхъ русской революціи, — то вотъ онъ: на третій годъ міровой войны, русскій народъ потерялъ силы и терпѣніе и отказался защищать Россію. Не только потерялъ пониманіе цѣли войны (едва ли онъ понималъ ихъ и раньше), но потерялъ сознание нужности Россіи. Ему уже ничего не жаль: ни Бѣлоруссіи, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берутъ, дѣляютъ, кто хочетъ. «Мы рязанскіе». Таковъ итогъ вѣкового вывѣтриванія національнаго сознанія. Несомнѣнно, что въ Московской Руси народъ національнымъ сознаніемъ обладалъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы его историческія пѣсни. Онъ ясно ощущаетъ и тѣло русской земли и ея враговъ. Ея историческія судьбы, слившіяся для него съ религіознымъ призваніемъ, были ясны и понятны. Въ Петровской имперіи народъ уже не понимаетъ ничего. Самые географическіе предѣлы ея стали недоступны его воображенію. А международная политика, ея сложность, чуждость ея задачъ прекрасно выразились въ одной солдатской пѣснѣ XVIII вѣка:

Пишетъ, пишетъ король Прусскій
Государынѣ Французской
Мекленбургское письмо...

Крѣпостное рабство, воздвигшее стѣну между народомъ и государствомъ, замѣнившее для народа національный долгъ частнымъ хозяйственнымъ игомъ, завершило разложене политическаго сознанія. Уже крестьянскіе бунты въ Отечественную войну 1812 года были грознымъ предвѣстникомъ. Религіозная идея православнаго царя могла подвигнуть народъ на величайшія жертвы, на чудеса пассивнаго героизма. Но государственный смыслъ этихъ жертвъ былъ ему недоступенъ. Падене царской идеи повлекло за собой падене идеи русской. Русскій народъ распался, распылился на зернышки деревенскихъ мірковъ, изъ которыхъ чужая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, въ своемъ стилѣ и вкусѣ.

Къ этимъ разлагающимъ силамъ присоединилось медленное дѣйствіе одного историческаго явленія, протекавшаго помимо сознанія и воли людей, и почти ускользнувшаго отъ нашего вниманія. Я имѣю въ виду отливъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, отъ великорусскаго центра на окраины Имперіи. За XIX вѣкъ росли и богатѣли, наполнялись пришлымъ населеніемъ Новороссія, Кавказъ, Сибирь. И вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянство центральныхъ губерній раззорялось, выраждалось духовно и заставляло экономистовъ говорить объ «оскудѣніи центра». Великороссія хирѣла, отдавая свою кровь окраинамъ, которая воображаютъ теперь, что она ихъ эксплуатировала. Самое тревожное заключалось въ томъ, что параллельно съ хозяйственнымъ процессомъ шель отливъ и духовныхъ силъ отъ старыхъ центровъ русской жизни. Легче всего слѣдить за этимъ явленіемъ по литературѣ. Если составить литературную карту Россіи, отмѣчая на ней родины писателей или мѣста дѣйствія ихъ произведеній (романовъ), то мы поразимся, какъ слабо будетъ представленъ на этой картѣ русскій сѣверъ, все Замосковье — тотъ край, что создалъ великорусское государство, что хранить въ себѣ живую память «Святой Руси».

Русская классическая литература 19 в. — литература черноземнаго края, лишь съ 16-17 вѣковъ отвоеваннаго у степныхъ кочевниковъ. Тамбовскія, Пензенскія, Орловскія поля для насъ стали самыми русскими въ Россіи. Но какъ бѣдны эти мѣста историческими воспоминаніями! Это деревянная, соломенная Русь, въ ней ежегодные пожары сметають скудную память о прошломъ. Здѣсь всего скорѣе исчезаютъ старые обычаи, пѣсни, костюмы. Здѣсь нѣтъ

этнографического сопротивления разлагающим модамъ городской цивилизаціи. Съ начала 20 вѣка литература русская бросаетъ и черноземный край, оскудѣвшій вмѣстѣ съ упадкомъ дворянскаго землевладѣнія. Выдвигается Новороссійская окраина, Крымъ, Кавказъ, нижнее Поволжье. Одесса создаетъ цѣлую литературную школу.

До сихъ поръ мы говорили объ опасностяхъ. Что можно противопоставить имъ, кромѣ нашей вѣры въ Россію? Есть объективныя факты, точки опоры для нашей національной работы — правда, не болѣе, чѣмъ точки опоры, ибо безъ работы, скажу больше — безъ подвига — Россіи намъ не спасти.

Вотъ эти всѣмъ извѣстные факты. Россія не Австрія и не старая Турція, гдѣ малая численно нація командовала надъ чужероднымъ большинствомъ. И если Россія, съ культурнымъ ростомъ малыхъ народностей, не можетъ быть національнымъ монолитомъ, подобнымъ Франціи или Германіи, то у великороссовъ есть все же гораздо болѣе мощный этнической базисъ, чѣмъ у австрійскихъ нѣмцевъ. Во-вторыхъ, эта народность не только не уступаетъ культурно другимъ, подвластнымъ (случай Турціи), но является носителемъ единственной великой культуры на территоріи государства. Остальныя культуры, переживающія сейчасъ эру шовинистическаго угара — говоря совершенно объективно — являются явлениями провинціального порядка, въ большинствѣ случаевъ и вызванными къ жизни оплодотворяющимъ воздѣйствіемъ культуры русской. Въ-третьихъ, національная политика старой Россіи тяжкая для западныхъ, культурныхъ (нынѣ оторвавшихся) ея окраинъ, — для Польши, для Финляндіи, — была, въ общемъ, справедлива, благотѣльна на Востоку. Востокъ легко примирился съ властью Бѣлаго царя, который не ломалъ насильственно его старины, не оскорблялъ его вѣры и давалъ ему мѣсто въ просторномъ русскомъ домѣ. (Изъ оставшихся въ Россіи народовъ прямая ненависть къ великороссамъ встрѣчается только у нашихъ кровныхъ братьевъ — малороссовъ или украинцевъ, — и это самый болѣзненный вопросъ новой Россіи).

Въ-четвертыхъ, большинство народовъ, населяющихъ Россію, какъ островки въ русскомъ морѣ, не могутъ существовать отдѣльно отъ нея; другіе, отдѣлившись, неминуемо погибнуть, поглощенные сосѣдями. Тамъ, гдѣ,

какъ на Кавказѣ, живутъ десятки племенъ, раздраемыхъ взаимной враждой, только справедливая рука суперъ-арбитра можетъ предотвратить кровавый взрывъ, въ которомъ неминуемо погибнуть всѣ ростки новой национальной жизни. Что касается Украины, то для нея роковымъ является сосѣдство Польши, съ которой ее связываютъ вѣковыя историческія цѣли. Украинѣ объективно придется выбрать между Польшей и Россіей, и отчасти отъ насъ зависеть, чтобы выборъ былъ сдѣланъ не противъ старой общей родины. И, наконецъ, въ-пятыхъ, за насъ дѣйствуютъ еще старыя экономическія связи, создающія изъ бывшей Имперіи, изъ нынѣшней СССР, единый хозяйственный организмъ. Разрывъ его, конечно, возможенъ (примѣръ: та же Австрія), но мучителенъ для всѣхъ участниковъ хозяйственнаго общенія. Силы экономической инерціи дѣйствуютъ въ пользу Россіи.

Сумѣемъ ли мы воспользоваться этими благоприятными шансами, это зависитъ уже отъ насъ, т. е., прежде всего отъ новыхъ поколѣній, которыя вступаютъ въ жизнь тамъ въ Совѣтской Россіи и, въ меньшей степени, здѣсь, въ изгнаніи.

Удачное рѣшеніе русской проблемы предполагаетъ два ряда условій: политическихъ и моральныхъ.

Созданіе гибкихъ и твердыхъ юридическихъ формъ, которыя выразили бы одновременно единство и многоплеменность Россіи, является трудной, но вполне разрѣшимой задачей. Одну изъ объективныхъ трудностей ея составляетъ чрезвычайное различіе культурныхъ уровней народовъ Россіи, которое не допускаетъ равенства ихъ политическихъ состояній. Въ этомъ фактѣ должны найти свое ограниченіе всѣ доктринерскія попытки построения Россіи, какъ законченной и симметричной федераціи (конфедераціи). Въ Державѣ Россійской мыслимы всѣ отбѣнки взаимоотношеній, начиная отъ областного самоуправленія, національной автономіи, кончая чисто федеративной связью. Не въ конституціяхъ Европы — скорѣе въ системѣ Римской Имперіи, въ эпоху ея многовѣкового созданія — можетъ найти свои аналогіи современная Россія. Одно несомнѣнно. Двухъ или трехвѣковая эра бюрократическаго централизма миновала. Если мы хотимъ сохранить имперію, то должны перестать смотрѣть на нее, какъ на Русь. Россія, Русь, Великороссія не совпадающія, а кон-

центрическія величины, каждая изъ которыхъ должна получить свои идейныя (и территориальныя) границы.

Структура СССР является черновымъ наброскомъ будущей карты Россіи. Уже нельзя отказаться отъ ея основного принципа: національнаго построения Россіи. Но за предѣлами этнографической карты, въ самой системѣ большевицкаго децентрализма какъ и большевицкаго централизма все остается спорнымъ. Эта система дразнить малые народы несбыточно-декларативной независимостью, на дѣлѣ осуществляя диктатуру Москвы. Возможно ли дальнѣйшее функционированіе этой системы при устраненіи нелегальной диктатуры партіи, — это большой вопросъ. Съ другой стороны, большевики, ревнивые къ военнымъ и финансовымъ основамъ своей власти, совершенно не заинтересованы въ защитѣ русской культуры. Они предаютъ ее на каждомъ шагу, вознаграждая приманкой русофобства ограбленныя и терроризированныя окраины. Національная Россія не можетъ допустить подавленія русской культуры въ своихъ рубежахъ (государственный языкъ, школа), но она, можетъ быть, сумѣетъ шире провести предѣлы экономическаго самоуправленія. Въ одномъ, но самомъ важномъ пунктѣ система СССР не пригодна для Россіи. Въ ней нѣтъ мѣста Руси, какъ единству трехъ основныхъ племенъ русскаго народа. Великороссія просто приравнена къ Руси цѣною отрыва отъ послѣдней (въ самостоятельныя націи) Украины и Бѣлороссіи. И въ этомъ заложены корни тяжкихъ конфликтовъ.

Дѣйствительно, проблема Украины является самой трудной въ ряду національныхъ проблемъ будущей Россіи. Не разрѣшить ее значитъ погибнуть, — т. е. перестать быть Россіей. Мы присутствуемъ при бурномъ и чрезвычайно опасномъ для насъ процессѣ: зарожденіи новаго украинскаго сознанія, въ сущности, новой націи. Она еще не родилась окончательно, и ея судьбы еще не опредѣлены. Убить ее невозможно, но можно работать надъ тѣмъ, чтобы ея самосознаніе утверждало себя, какъ особую форму русскаго самосознанія. Южно-русское (малорусское) племя было первымъ создателемъ русскаго государства, заложило основы нашей національной культуры и само себя всегда именовало русскимъ (до конца 19 вѣка). Настаивая на этомъ, мы, русскіе, правильнѣе выражаемъ историческую идею украинофильства, чѣмъ современные самостоятели, предающіе свой народъ и его традицію его

историческимъ врагамъ. Ближе мы, несомнѣнно, и къ національному сознанию народныхъ массъ Украины, чѣмъ полонофильскіе или германофильскіе круги ея интеллигенціи. И однако, мы, въ качествѣ великороссовъ, грѣшимъ невѣжествомъ и невниманіемъ къ южно-русской традиціи, за Москвой теряемъ истинное ощущеніе Руси, а въ настоящемъ просто не дооцнѣваемъ грознаго факта украинскаго отталкиванія отъ насъ.

Въ этомъ мощномъ анти-московскомъ историческомъ потокѣ мы обязаны различать два течения: вмѣщающееся и не вмѣщающееся въ границы Руси. Съ послѣднимъ борьба до конца. Первое подлежитъ національной рецепціи. Въ Державѣ Россійской малороссъ не можетъ быть обиженъ или униженъ въ своемъ національномъ сознаніи передъ татаринномъ или грузинномъ. Напротивъ, его національное самоутвержденіе, съ его символами, и съ исторической памятью (Мазепа!), должно быть воспринято державнымъ сознаніемъ той націи (русской), которой принадлежитъ, волею судьбы, культурная гегемонія въ Имперіи.

Въ отличіе отъ грозной остроты украинскаго вопроса, вопросъ еврейскій, по нашему разумѣнію, не имѣетъ рокового значенія для Россіи. Съ отдѣленіемъ Польши, % еврейскаго населенія въ Россіи чрезвычайно понизился и не превышаетъ національнаго еврейскаго коэффиціента странъ Западной Европы. Современная острота еврейскаго вопроса въ Россіи заключается въ неестественномъ удушеніи русской буржуазіи и русской интеллигенціи. Поэтому еврейскій вопросъ (для Россіи) разрѣшается въ обще-русскомъ хозяйственномъ и культурномъ возрожденіи. Разумѣется, еврейскій вопросъ для евреевъ сохраняетъ всю свою мучительность. Это вѣчный вопросъ о смыслѣ и возможности еврейскаго національнаго сознанія и еврейской культуры въ предѣлахъ христіанскаго міра. Вопросъ, имѣющій огромную историческую и религіозную глубину, но выходящій совершенно изъ границъ послѣ-революціоннаго устройства Россіи.

Не будемъ останавливаться здѣсь на конкретныхъ юридическихъ формахъ національнаго строительства Россіи. Эта тема чрезвычайно трудная и отвѣтственная. Лишь опытъ жизни, связанный съ тяжкими ошибками и суровымъ раскаяніемъ, можетъ воплотить въ дѣйствительность чаемое свободное единство Россіи. Здѣсь я коснусь лишь

духовной стороны нашей работы, — той, которая по преимуществу выпадает на долю интеллигенции. Говоря кратко: эта задача в томъ, чтобы будить въ себѣ, растить и осмыслять, прояснять національное сознание.

Наша эпоха уже не знаетъ безсознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти изсякли, эта «земля» перепахана и выпажана. И русскій народъ вступилъ въ полосу рационализма, вѣрится въ книжку, въ печатное слово, формируетъ (или уродуетъ) свой обликъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ школѣ, въ обстановкѣ искусственной культуры. Оттого такъ безмѣрно вырастаетъ влияние интеллигенции (даже низшей по качеству, даже журналистики); отъ того-то удаются и воплощаются въ историческую жизнь новые, «умышленные», созданные интеллигенцией народы. Интеллигенція творитъ эти народы, такъ сказать, «по памяти»: собирая, оживляя давно умершія историческія воспоминанія, воскрешая этнографическій бытъ. Если школа и газета, съ одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то онѣ же могутъ служить и уже служить орудіемъ культуры творческой, національной. Мы должны лишь выйти изъ своей безопасности и взять примѣръ съ кипучей и страстной работы малыхъ народовъ, работы ихъ интеллигенціи, изъ ничего, или почти изъ ничего, кующей національныя традиціи. Наша традиція богата и славна, но она запылдилась, потускнѣла въ сознаниі послѣднихъ поколѣній. Для однихъ затмилась обаяніемъ Запада, для другихъ — официалънымъ и ложнымъ образомъ Россіи, для котораго въ искусствѣ — и не только въ искусствѣ — типиченъ псевдо-русскій стиль Александра III. Мы должны изучать Россію, любовно вглядываться въ ея черты, вырывать ея въ землѣ закопанные клады.

Наше національное сознание должно быть сложнымъ, въ соотвѣтствіи со сложной проблематикой новой Россіи (примитивъ губителенъ!). Это сознание должно быть одновременно великорусскимъ, русскимъ и россійскимъ.

Я говорю здѣсь, обращаясь, преимущественно къ великороссамъ. Для малороссовъ или украинцевъ, не потерявшихъ сознания своей русскости, эта формула получить слѣдующій видъ: малорусское, русское, россійское.

Послѣ всего, сказаннаго выше, ясна повелительная необходимость оживленія, воскрешенія Великороссіи. Вся-

кій взглядъ въ прошлое Россіи, всякое паломничество въ исторію приводитъ насъ въ Великороссію, на ея сѣверъ, гдѣ и понынѣ бѣлѣютъ стѣны великихъ монастырей, хранящихъ дивной красоты росписи, богословское «умозрѣніе въ краскахъ», гдѣ въ лѣсной глуши сохраняются и старинная утварь и старинныя повѣрья и даже былинная поэзія. Старые города (Угличъ, Вологда), древніе монастыри (Кирилловъ, Ферапонтовъ) должны стать національными музеями, центрами научно-художественныхъ экскурсій для всей Россіи. Работа изученія святой древности, ведущаяся и въ большевицкой Россіи, должна продолжаться своимъ энтузіазмомъ всѣ народы Россіи. Пусть русской сѣверъ станетъ «страной святыхъ чудесъ», священной землей, подобно древней Греціи или средневѣковой Италиі, зовущей пилигримовъ со всѣхъ концовъ міра. Для русскихъ и христіанъ эта земля чудесъ вдвойнѣ священна: почти каждая волость ея хранитъ память о подвижникѣ, спасавшемся въ лѣсномъ безмолвіи, о воинѣ Сергіевской рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь

Но русской Сѣверъ не только музей, не только священное кладбище. По счастью, жизнь не покинула его. Его население, — не многочисленное, — крѣпко, трудолюбиво и зажиточно. Предъ нимъ большія экономическія возможности. Бѣлое море и его промыслы обѣщаютъ возрожденіе цѣлому краю при научномъ использованіи его богатствъ. Московскій промышленный районъ (здѣсь Ярославль, Кострома) устоялъ въ испытаніи революціи. На этой землѣ «святая Русь», сѣдая старина бокъ-о-бокъ сосѣдитъ съ современными мануфактурами, рабочіе поселки — съ обителями учениковъ преп. Сергія, своимъ сосѣдствомъ вызывая часто ощущение болѣзненного противорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ конкретно ставя передъ нами насущную задачу нашего будущаго: одухотвореніе технической природы современности.

Отъ великорусскаго — къ русскому. Это, прежде всего, проблема Украины. Ея судьба во многомъ зависитъ отъ того, будемъ ли мы (т. е. великороссы) сознавать ея близость или отталкиваться отъ нея, какъ отъ чего-то чужого. Въ послѣднемъ случаѣ, мы неизбежно ее потеряемъ. Мы должны признать и непрестанно ощущать своимъ не только кіевскія лѣтописи и мозаики кіевскихъ церквей, но и украинское барокко, столь привившееся въ Мо-

сквѣ, и кіевскую Академію, воспитавшую русскую церковь, и Шевченко за то, что у него есть общаго съ Гоголемъ, и украинскую пѣсню, младшую сестру пѣсни великорусской. Эта задача — привить малорусскія традиціи въ общерусскую культуру — прежде всего выпадаетъ на долю южно-русскихъ уроженцевъ, сохранившихъ вѣрность Россіи и любовь къ Украинѣ. Отдавая свои творческія силы Велико-россіи, мы должны удѣлить и Малой (древней матери нашей) Россіи частицу сердца и пониманія ея особаго культурно-историческаго пути. Въ борьбѣ съ политическимъ самостоятельствомъ, въ оборонѣ русской идеи и русскаго дѣла на Украинѣ нельзя смѣшивать русское дѣло съ великорусскимъ и глушить ростки тоже русской (т. е. малорусской) культуры. Та же самая русская идея на сѣверѣ требуетъ отъ насъ нѣкотораго суженія, крайнѣдческаго, областническаго углубленія, на югѣ — расширения, выхода за границу привычныхъ намъ великорусскихъ формъ.

Въ охранѣ единства Великой и Малой Россіи одной изъ самыхъ прочныхъ связей между ними была и остается вѣра. Пусть разъединяетъ языкъ, разъединяетъ память и имя Москвы — соединяютъ Кіевскія святыни и монастыри сѣверной Руси. До тѣхъ поръ, пока не сдѣланъ непоправимый шагъ, и народъ малорусскій не свергнутъ въ унию или другую форму католицизирующаго христіанства, мы не утрачимъ нашего братства. Разрываемые націоналистическими (и въ то же время вульгарно-западническими) потоками идей, мы должны соединиться въ религіозномъ возрожденіи. И сейчасъ подлинно живыя религіозныя силы Украины отъ Русской церкви себя не отдѣляютъ.

Отъ русскаго — къ російскому. Россія не Русь, но союзъ народовъ, объединившихся вокругъ Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить другъ друга гуломъ нестройныхъ голосовъ. Для многихъ изъ насъ это все еще непривычно, мы съ этимъ не можемъ примириться. Если не примиримся, — т. е. съ многоголосностью, а не съ нестройностью, — то и останемся въ одной Велико-россіи, т. е. Россіи существовать не будетъ. Мы должны показать міру (послѣ крушенія столькихъ имперій), что задача имперіи, т. е. сверхнаціональнаго государства, — разрѣнима. Болѣе того — когда міръ, уставъ отъ кроваваго хаоса мелко-племенной черезполосицы, встоскуется о единствѣ, какъ предпосылкѣ великой культуры, Рос-

сія должна дать образецъ, форму мирнаго сотрудничества народовъ, не подъ гнетомъ, а подъ водительствомъ великой націи. Задача политиковъ — найти гибкія, но твердыя формы этой связи, обеспечивающія каждой народности свободу развитія въ мѣру силъ и зрѣлости. Задача культурныхъ работниковъ, каждаго русскаго, въ томъ, чтобы расширить свое русское сознание (безъ ущерба для его «русскости») въ сознание російское. Это значить, воскресить въ немъ, въ какой-то мѣрѣ, духовный обликъ всѣхъ народовъ Россіи. То, что въ нихъ цѣнно, что вѣчно, что можетъ найти мѣсто въ системѣ вселенской культуры. Всякое дѣло, творимое малымъ народомъ, какъ бы скромно оно ни было, всякое малое слово должны вложиться въ русскую славу, въ дѣло Россіи. Въ нашъ вѣкъ національнныя самолюбія значать порою больше національныхъ интересовъ. Пусть каждый маленькій народъ, т. е. его интеллигенція, не только не чувствуетъ униженія отъ соприкосновенія съ національнымъ сознаниемъ русскаго (великоросса), но и находитъ у него помощь и содѣйствіе своему національно-культурному дѣлу. Было бы вреднѣйшей ошибкой презрительно отмахнуться отъ этихъ шовинистическихъ интеллигенцій и черезъ головы ихъ разговаривать съ народомъ. Многие думаютъ у насъ сыграть на экономическихъ интересахъ массъ противъ «искусственныхъ» національныхъ претензій интеллигенціи. Рано или поздно народъ весь будетъ интеллигенціей, и презрѣніе къ его духовнымъ потребностямъ отомститъ за себя. Въ титулѣ московскихъ царей и императоровъ все-россійскихъ развертывался длинный свитокъ народовъ, подвластныхъ ихъ державѣ. Многоплеменность, многозвучность Россіи не умаляла, но повышала ея славу. Национальное сознание новыхъ народовъ Европы въ этомъ отношеніи не раздѣляетъ гордости монарховъ, но Россія не можетъ равняться съ Франціей или Германіей; у нея особое призваніе, Россія — не нація, но цѣлый міръ. Не разрѣшивъ своего призванія, сверхнациональнаго, материковаго, она погибнетъ, какъ Россія.

Духовнымъ притяженіемъ для народовъ была и останется русская культура. Черезъ нее они пріобщаются къ міровой цивилизаціи. Такъ это было въ Петербургскій періодъ Имперіи, такъ это должно остаться. Если юношество малыхъ народовъ Россіи будетъ учиться не въ Москвѣ, не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и въ Берлинѣ, оно не оста-

нется съ нами. На русскую интеллигенцію ложится тяжкая отвѣтственность: не сдать своихъ культурныхъ высотъ, итти неустанно, безъ отдыха, все къ новымъ и новымъ достижениямъ. Уже не только для себя, для удовлетворенія культурной жажды или профессиональныхъ интересовъ, но и для національнаго дѣла Россіи. Здѣсь неважна сама по себѣ культурная отрасль, профессія — Россіи нужны ученые и техники, учителя и воины. Для всѣхъ одинъ законъ: квалификація, ея непрерывный ростъ въ трудѣ и подвижничествѣ. Если великороссы составляютъ 54% Россіи, то русская интеллигенція должна выполнять не 54%, а гораздо болѣе общероссійской культурной работы, чтобы сохранить за собой безспорное водительство.

Такъ національная проблема Россіи упирается въ проблему культурную. Но это не отнимаетъ у нея ея специфическаго своеобразія. Ключъ къ ея рѣшенію заложенъ въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго національнаго сознанія. Сумѣетъ ли оно расшириться въ сознаніе Россійское и углубиться въ великорусское, оставшись русскимъ? Двѣ опасности угрожаютъ бытію Россіи. Съ одной стороны, шовинизмъ и политическая темнота господствующаго народа. Чтобы Россію не разнесли на части центробѣжныя силы, она должна имѣть живой, мощный, культурно царствующій центръ, — великорусское сердце своего тѣла, — и волю русскаго народа во что бы то ни стало отстоять свое и имперское единство. Но великороссы, утратившіи сознаніе своихъ силъ и возможностей, объявившіи войну чужеплеменной половинѣ Россіи, рискуютъ погибнуть подъ ея развалинами. Трудно сказать, что губительнѣе: національная *mania grandiosa* или національный *Minderwertigkeitscomplex*. Противъ обѣихъ болѣзней одно лѣкарство: разумная культура русскаго національнаго сознанія.

Г. Федотовъ.